

Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере Юго-Востока Украины

Н. А. Осипов

Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на территории УССР повлекла за собой важнейшие этнокультурные изменения, которые сказались на создании в будущем независимого украинского государства. Однако данная политика не всегда сопровождалась успехами и одинаковой реакцией в различных регионах Украины. Вместе с тем причины этого мало изучены и требуют профессионального научного исследования. Цель данной статьи состоит в изучении политики украинизации в межвоенный период в Украине для построения сравнительного анализа результатов украинизации на Юго-Востоке Украины. В ходе исследовательской работы были проанализированы статистические данные материалов переписи населения Российской империи 1897 г. и переписи населения СССР 1926 г., а также периодической печати УССР в период с 1925 по 1933 гг. На основе полученных данных сделан вывод, что несмотря на высокие темпы украинизации и значительные успехи в области проведения данной политики встречалось негативное отношение к подобному рода этнокультурным преобразованиям на местах в различных регионах, что в будущем предопределило результаты данной национальной политики. Это впоследствии привело к преобладанию русскоязычного населения на территории Юго-Востока Украины.

Ключевые слова: украинизация, УССР, большевики, округ, городское население, сельское население, Сталинский округ, Артемовский округ.

Для цитирования: Осипов Н. А. Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере Юго-Востока Украины // История повседневности. 2022. № 4. С. 118–137. DOI 10.35231/25422375_2022_4_118

Введение

Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на территории УССР и некоторых территориях РСФСР в рамках национального строительства СССР выражалась в продвижении и внедрении элементов украинского языка и украинской культуры в различные сферы жизни общества, что повлекло за собой важнейшие этнокультурные изменения, которые сказались на создании в будущем независимого украинского государства.

Актуальность предполагаемой научной тематики набирает популярность с конца 1990-х гг. как в украинской, так и российской историографиях. Но при изучении данной темы ученые из двух государств ставят разные акценты в ходе анализа проведения украинизации. Например, по-разному оцениваются причины проведения данной политики, основные движущие силы, характер проведения и результаты политики украинизации. Различные украинские регионы обладали индивидуальной спецификой и рядом особенностей, такими как история заселения, разнообразный этнический и социальный состав, а также занятость населения в разных сферах и профессиях. В связи с этим политика украинизации не могла проходить одинаково на территории всей УССР, вследствие чего результаты и успехи данной политики в тех или иных регионах также имели различные последствия.

Об украинизации начали писать довольно давно, по сути, с 1920-х гг., но вплоть до последнего времени отсутствовали историко-научные исследования, посвященные собственно этой теме, хотя украинизация постоянно рассматривалась в абсолютно всех работах, затрагивавших украинскую историю XX в.

В советских публикациях 1920–1930-х гг. излагалась официальная точка зрения большевиков, в соответствии с которой украинизация рассматривалась как часть государственной политики в СССР, как составная часть культурной революции, которая совместно с коллективизацией и индустриализацией гарантировали победу социализма в Украине к середине 1930-х гг. Например, стоит отметить такие работы, как «Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва» А. А. Хвыли, «Національна проблема на Україні»

В. П. Затонского; «Идеологическая борьба в национальном вопросе» С. М. Диманштейна [1–3].

Такая ситуация сохранялась вплоть до 1980–1990-х гг., когда после снятия многочисленных запретов на тему изысканий и с открытием архивов данные сюжеты стали особенно востребованными в исследовательской сфере. Среди современных российских исследователей это прежде всего Е. Ю. Борисёнок, К. С. Дроздова, С. Е. Кортун, И. Ю. Васильев и др. [4–7].

Однако среди недостатков российской историографии следует отметить часто отсутствующую историко-генетическую связь между национально-культурным возрождением и украинизацией. Также анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности политики украинизации как метода национального строительства, не ограничиваясь при этом лишь ее культурными аспектами. Рассматривать украинизацию необходимо на широком общеполитическом фоне с учетом внутренней и внешней политики центрального партийного руководства.

Особенно важно подчеркнуть не только успехи украинизации в целом по УССР, но и отдельно по регионам, уделить больше внимания проблемам на местах, реакции населения и партийного руководства на проведение политики украинизации в отдельных регионах, прежде всего на Юго-Востоке современной Украины.

Цель данной статьи состоит в изучении политики украинизации в межвоенный период на Украине. Это предопределило следующий комплекс исследовательских задач: изучение этнокультурных характеристик различных регионов Украины до 1917 г., анализ успехов украинизации в целом по Украинской ССР, а также сравнительный анализ этих успехов по Юго-Восточным регионам Украины.

Для достижения поставленной цели были использованы разнообразные источники: материалы переписи населения Российской империи 1897 г. и переписи населения СССР 1926 г., на основе которых был сделан сравнительный анализ этнокультурных характеристик населения Украины, а также периодической печати, прежде всего журналов «Більшовик України», «Освіта Донбасу», «Революции и национальности».

Результаты

При анализе всероссийской переписи 1897 г. на территории Украины было выявлено преимущественное большинство украинского населения. Если рассматривать губернии и уезды отдельно, то «картина» представляется немного иной, однако преобладание украинского населения остается за исключением таких губерний, как Таврическая и Херсонская, хотя если в расчёт брать только крымские уезды Таврической губернии, выходит ещё меньший процент украинского населения. Без территории Крыма Таврическая и Херсонская губернии имели преобладающее украинское население [8].

Значительный интерес представляют некоторые уезды Екатеринославской губернии, такие как Екатеринославский, Мариупольский и Славяносербский, которые имели соответственно 55,7 %, 46,1 % и 50,5 % украинского населения, что говорит об условном преобладании украинского населения в данных уездах [8].

Городское и сельское население было неодинаковым по своему национальному составу. В городах Украины, как правило, преобладали великороссы или же носители русской культуры и русского языка. Хотя данная тенденция была не всеохватывающей. Например, по-своему этническому составу города Юго-Восточной Украины были, как правило, русскими, центральные – украинскими, а правобережные – еврейскими. Мещанство, духовенство и купечество на территории Юго-Востока Украины также было преимущественно русскоязычным, что обуславливалось, с одной стороны, вхождением этих территорий в состав России раньше, чем Правобережье, а с другой – внутренним освоением этих земель в начале XIX в. выходцами из различных регионов Российской империи, как например, в случае с Новороссией [8].

Однако если рассматривать данный регион включая крестьянское население, которого было большинство, процент украиноязычного населения был подавляющим [8].

После Великой российской революции 1917–1922 гг., образования Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г. началось строительство новой державы, что выразилось в том числе и в ходе проведения национальной политики.

Перепись населения 1926 г. зафиксировала, что на территории Украинской ССР проживало 29 млн чел., из которых украинцы составляли 80,1 %, русские 9,2 % и евреи 5,4 % от общего числа населения [9, с. 63].

Особый интерес представляют регионы, где число украинцев приближалось к 50 %, однако и там украинцы составляли относительное большинство. Так, например, на территории Одесского округа проживало 64,6 % украинцев, в Таганрогском – 71,5 % и Донецком – 61,5 % [9, с. 64].

Перепись населения 1926 г. также подтвердила специфику городского и сельского населения по этническому признаку – преимущественно крестьянский характер украинского населения макрорегиона. Так, доля украинцев в городах составляла в среднем 47,4 % и колебалась от 36 % в Днепропетровске, 38,3 % Харькове, 42,7 % Киеве до 68,3 % в Полтаве, 76,3 % Нежине, 88,3 % Купянске, Старобельске. На основании переписи можно сделать вполне обоснованный вывод о низкой степени урбанизированности украинской части населения республики: только 10,9 % было городским, в то время как 89,1 % проживало в сельской местности. В то же время аналогичные показатели для русского населения составили 50,2 % и 49,8 % соответственно, а еврейского – 74,4 % и 22,6 % [9, с. 65].

По родному языку население УССР имело следующую «картину»: 76,4 % населения считало своим родным языком украинский и разговаривало на нем дома, в городе – 35,8 % и 85,7 % – на селе. Стоит вспомнить, что украинцев в республике насчитывалось 80 %, что говорит о том, что часть украинского населения была ассимилирована и перешла на русский язык, усвоив русскую культуру [9, с. 66].

Языком своей национальности среди украинцев разговаривало 94,1 % населения, из которых 74,5 % – городское [9, с. 67].

Большинство украинского населения Украинской ССР было задействовано в сельском хозяйстве (87,5 %). Для сравнения: в промышленности было занято 3,6 % украинского населения, данные показатели в строительстве и на железнодорожном транспорте были еще ниже [9, с. 69].

Профессиональный характер населения УССР выглядел следующим образом: украинцев среди работников было 54,6 %, госслужащих – 51,7 %, военных и моряков – 49,9 %, предста-

вителей свободных профессий – 47,9 % [9, с. 70]. Среди рабочих украинцев было 82,2 % в среде металлостроителей, 72,7 % – железнодорожников, 37,9 % – строителей, 32,5 % – типографов, 82,2 % – среди сельскохозяйственных работников [9, с. 75].

Сравнение статистических данных за 30 лет позволяет сделать вывод о том, что к середине 1920-х гг. сохранилось преобладание украинцев в общей массе населения республики. Они по-прежнему были слабо затронуты урбанизацией и в хозяйственном отношении сохраняли связь с аграрным сектором. Но к этому времени обозначилась важная тенденция – относительный рост украинцев среди рабочих промышленных предприятий и государственных служащих. Использование большинством украинцев родного языка создавало определенную почву для реализации мероприятий по украинизации.

На XII съезде РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. были обсуждены вопросы о характере суверенности республик в составе СССР и политике коренизации. Таким образом официально началось проведение политики украинизации можно отсчитывать с этого момента [10].

В области проведения политики украинизации Пленум ЦК КП(б)У в целом отметил значительные успехи за 1925 г. Так, в правительстве УССР 36,3 % составили украинцы, 31,8 % – русские, 16,8 % – евреи и 15,1 % – представители других национальностей. Правда, лишь 23,9 % из них владели украинским языком. Совершенно иная картина наблюдалась на окружном уровне: здесь среди государственных служащих знали украинский язык 67 %. Делопроизводство на украинском языке в 1925 г. велось на 25 %, а в 1926 г. – уже на 65 %. Членами и кандидатами в ЦК КП(б)У в 1927 г. было 35,3 % украинцев. В составе политбюро украинцев на 1925 г. было 42,8 %, а в 1926 г. – 66,6 % [11, с. 25].

За короткий срок произошли изменения и в партийной среде. На 1 января 1924 г. в КП(б)У насчитывалось 57 тыс. членов, среди которых украинцы составили треть, тогда как русские и евреи составили почти 60 % (45,1 и 14,0 соответственно). На 1 января 1925 г. в партии состояло 101 852 чел., из них украинцев было 37,0 %, русских – 43,5 %, евреев – 11,9 %. На 1 января 1926 г. членов партии уже было 152 тыс., украинцев – 43,9 %, русских – 37,0 %, евреев – 11,4 % [11, с. 14]. Таким образом, с од-

ной стороны, наблюдался резкий рост общего числа членов партии, с другой – доля русских постепенно сокращалась, а украинцев в партийных рядах становилось больше.

Подобная тенденция отмечалась и в других структурах. На 1 апреля 1924 г. украинцев среди членов ЛКСМ было 50,9 %, 1 апреля 1926 г. – уже 67,1 %. Среди секретарей окружных комитетов комсомола украинцев было 51,3 %, среди них владели украинским языком 65 %. В составе членов ЦК ЛКСМ украинцев было 40,7 %, а кандидатов – 60 % [11, с. 26].

В центральных профсоюзных органах Украинской ССР в 1925 г. 39 % составляли этнические украинцы. Школа была украинизирована на 79,4 %, ликбез – на 80 %, профшколы – на 51,8 %, техникумы – на 45,7 %, рабфаки – на 28 %, институты – на 28,5 %. В среде пролетариата среди самих украинцев 50 % владело украинским языком [11, с. 15].

На 1 января 1926 г. в партийной организации из общего числа членов партии украинцев было 43,9 %, 1 января 1927 г. – 45 %. В 1926 г. за 9 месяцев среди принятых в партию украинцев было 54,8 %. В составе индустриальных групп населения украинцев было 41,6 %, связи и транспорта – 64,6 % [11, с. 24].

Перед 1927 г. в составе окружных исполкомов после последних перевыборов украинцев было 60 %, в самом 1927 г. в райисполкомах украинцев стало уже 80,3 %, а в сельсоветах – 88,5 % [11, с. 28].

В составе сельских и промышленных райкомов украинцы имели большинство: 64,5 % и 46,1 % соответственно. В то же время на долю партийных функционеров из числа русских приходилось 20,2 % и 44,9 % соответственно. Во время созыва окружных пленумов партийных комитетов их национальный состав выглядел таким образом: 1923 г. – 31,9 % украинцев, 1924 г. – 34,3 %, 1925 г. – 38,9 %, 1926 г. – 48,8 % [11, с. 25].

Приведенные статистические данные свидетельствуют об увеличении представителей украинской национальности в государственных органах власти, а также в профсоюзах и различных партийных организациях как на республиканском уровне, так и региональном.

Реализация украинизации в повседневной жизни была невозможна без массовой подготовки кадров для работы на низовом уровне. Если в 1924/25 учебном году не было ни одной

украинской партийной школы, то в 1925/26 уч. г. они составили уже 10 % от городских и 55 % сельских. Преподавателей, владеющих украинским языком, насчитывалось 72 %. Среди городских работников агитации и пропаганды, владеющих украинским языком, было 19 %, а сельских – 64 %. Среди слушателей курсов окружных партработников 72 % владело украинском языком [11, с. 14].

Коренизации должна была способствовать и выпускавшаяся на национальном языке печатная продукция. Ее объемы постепенно увеличивались. Так, если в 1924 г. общий перечень наименований составил лишь 27 тыс. единиц, то в 1926 г. – уже 90 тыс. Кроме того, в 1925 г. объем печатной продукции на украинском языке составил 58 % [11, с. 14].

Повседневная украинизация реализовывалась посредством образования на разных уровнях. Например, в Коммунистическом университете им. Артема в г. Харькове с 1923/24 по 1926/27 учебные годы количество слушателей украинской национальности выросло с 31 % до 53,2 %. Процент преподавателей украинцев вырос с 27,6 % до 34,8 %. Школы политграмоты были украинизированы на 60,7 %, а выездные – на 74,3 % [11, с. 27].

Характеризуя более детально ситуацию по отдельным регионам, можно увидеть, что в Артемовском округе украинцев было 72,7 %, среди них 46,9 % учеников в трудовых школах, в Луганском – 51,8 % и 20,4 %, в Сталинском – 53,4 % и 35,5 % соответственно. В городах ситуация несколько другая: в Днепрпетровске украинцев было всего 36 %, а учеников трудовых школ – 11,5 %, в г. Сталино – 26,1 % и 1,0 %, Конотопе – 67,5 % и 39,7 %, Мариуполе – 32,9 % и 5,2 %, Чернигове – 57 % и 37,8 %, Николаеве – 29,8 % и 15,2 % соответственно [12].

Как видим, население УССР в указанных регионах было представлено непропорционально среди учеников трудовых школ.

Необычное явление наблюдалось в украинских индустриальных взах. Из-за того, что украинской профессуры катастрофически не хватало, «темп украинизации» шел очень медленно, происходил процесс деукраинизации в связи с тем, что молодежь из трудовых и профессиональных школ приходила в вуз украинизированной, а в вузе русифицировалась. Однако процент украинцев среди студентов все же увеличивался, на-

пример, в 1923/24 учебном году в составе набора в институты украинцев было 43,7 %, а в 1928/1929 учебном году – 62,8 %, в составе набора в техникумы – 48,8 % и 64 % соответственно [13, с. 50].

Что касается национального состава студенчества, то на 1929 год в Харьковском политехническом университете было 37 % украинцев, в Одесском институте народного образования – 41 %, Киевском политехническом институте – 45 %, Днепропетровском государственном институте – 50 %, Киевском институте народного образования – 69 %, Каменец-Подольском институте народного образования – 80 %. Всего по республике процент украинцев среди студенчества достигал 62,8 %, для вузов – 64 %, а для втузов – 48 %, что показывало тенденцию увеличения числа украинцев среди студенчества в целом по УССР [14, с. 87].

Во время командировки одного из работников комсомола в Луганск им была отмечена интересная ситуация, которая случилась на шахте № 5–9. На вопрос «Сколько украинцев в своем окружении работники шахты имеют», он получал такой ответ: «Пять». А на вопрос «На каком языке вы разговариваете дома?» ответ был таким: «На каком? Хохляцком!». На вопрос «Сколько всего хохлов среди работников шахты» он получил ответ: «Все».

Данная ситуация говорит о том, что в результате отсутствия государственности на Украине во времена Российской империи крестьянское украинское население не было охвачено образованием, а если и было, то в рамках российской образовательной системы, вследствие чего различным этническим группам украинцев не были «привиты» такие понятия, как «Украина» и «украинцы», хотя фактически с точки зрения лингвистики они разговаривали на юго-восточном диалекте украинского языка [13, с. 53].

Медведев в своей статье «Підсумки культурного походу комсомола України» писал, что в различных политических и других кругах в 20-е гг. XX в. бытовало мнение, что из-за преобладания русской культуры среди пролетариата Донбасса политика украинизации провалится в данном регионе, однако, по мнению автора статьи, эти «предсказания» не сбылись и успехи в ходе национально-культурного строительства и в данном регионе есть [15, с. 6].

Если анализировать состав партийных школ на Донбассе, то видно, что в Артемовском округе в окружной партшколе насчитывалось украинцев 63,5 %, рабочих среди них – 82 %. Однако местные работники не испытывали особого энтузиазма к украинизации партийной школы. Например, количество лекций на украинском языке составляло 51 % на первом курсе, а на втором – 34 %. В библиотеки за первый семестр поступило 29,5 % книг на украинском языке, когда на русском – 70,5 % [3, с. 38].

Также во время проверки служащие г. Артемовска получили по украинизации первую категорию – 287 чел., вторую – 495, третью – 267 и совсем не прошли проверку 839, т. е. 39,5 %. В целом по округу всего было 8323 служащих, из которых первую категорию получили 10,2 %, вторую – 18,1 %, третью – 18 % и не прошли 44,25 %. Если рассматривать украинизацию учреждений, которые непосредственно работали с крестьянством и рабочими, не прошли проверку 58,5 % служащих данных учреждений [3, с. 38].

Среди всех газет, которые издавались в Артемовском округе только 23 выходило на украинском языке [3, с. 43].

В статье А. Хвыли «Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва» приводился такой случай: забойщик узлового рудника по фамилии Педь утверждал, что, когда проживал на Полтавщине, читал и говорил на украинском языке, а приехав на Донбасс, отвык, и когда привезли 60 книг, а из них 50 % оказалось на украинском языке, для него это было великое событие [3, с. 43].

В этой связи местные власти критиковались столицей за нежелание работать с украинскими книгами, проводить украинизацию и обвинялись в русификации населения.

В Сталинском округе ситуация была примерно такой же. Среди работников, занимающихся украинизацией, только 6 % знали украинский язык, всего в округе было 53 % украинского населения, а среди работников кооперации в количестве 1169 чел. знали украинский язык опять-таки 6 %, а канцелярских работников – 48 %. Украинизация аппарата окружного КП(б)У и сталинского ОПК за 1929 г. не прошла проверку, всего ответственных работников было 31 чел., украинцев – 7 чел., знали украинский – 14 чел.; технический аппарат насчитывал

25 чел., украинцев – 7 чел., знали украинский язык – 13 чел. [3, с. 43].

Вместе с тем украинизаторы рассчитывали на достижение поставленных целей. Так, в статье С. Карпенко «Початкову і середню школу – на вищий щабель» отмечалось, что успешность украинизации в таких крупных городах, как Харьков, Киев, Днепропетровск, варьируется от 92 % до 95 %, а также «отличные результаты дают отдельные районы Донбасса», например Артемовский округ. Хотя в сельских районах картина другая, успешность достигает только на 80 %, где-то даже на 75 % [16, с. 30].

В 1931 г. на VII пленуме ВУРСИ был обозначен рост числа украинцев в профсоюзной кассе за период 1926–1931 гг. – от 49,9 % до 58,6 %. Рабочих-украинцев в 1926 г. было 41,6 %, а в 1931 г. 52 %. В обществе транспорта и связи число украинцев выросло с 64,6 % до 73,9 %. Аналогичный процесс с 1926 г. по 1931 г. наблюдался среди индустриального пролетариата: среди горняков – с 35,7 % до 49,9 %, металлистов – с 44,9 % до 52,6 %. Процент украинцев в составе пленумов ВУКов с 1929 г. по 1932 г. вырос с 49,9 % по 58,2 %, на выборных должностях – с 36,6 % до 48,1 % [17, с. 125].

Однако случаи неудовлетворительного проведения политики украинизации, негативное отношение к ней и даже противодействие встречались в различных группах населения на территории разных районов УССР. Так, в Краматорске заведующий тарифно-экономического подотдела заводоуправления Файнберг заявлял: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один». На оргмассовом секторе завода «Серп и молот» в рабочий Титов задан вопрос бригаде о том, что происходит в деле национально-культурного строительства и, в частности, украинизации и получил следующий ответ: «Теперь нет времени на эту работу».

Другой работник приводил слова руководителей разного уровня: «Т. Жаворонков (зав. Константиновского культсектора) говорил: “Дело украинизации – это дело неважное; клубные работники перегружены работой, поэтому и не посещают кружки украинского языка”. Также ответил глава цехкома Краматорского завода, тов. Секретар: “Нам некогда занимать»

ся украинизацией, когда у нас в цехоме стоят серьёзные вопросы» [17, с. 125].

В 1929 г. процент тех, кто разговаривал на украинском языке в семье, был 44 %, умели читать 58,2 %, среди промышленных работников – 32,3 % и 43 % соответственно. Среди украинских металлистов было 45,9 %, горных – 65,0 % говорящих в семье на украинском языке [17, с. 126].

Однако подавляющее большинство работников всеукраинского и низового профаппарата использовали в своей работе русский [17, с. 127]. На первом месте среди таких обществ были угольщики, железнодорожники, строители, металлурги, машиностроители. На Днепрельстане, несмотря на то что 65 % рабочих были украинцами, РК строителей проводил всю работу на русском языке. На заводах им. Петровского, им. Ленина, им. Ворошилова, им. Ильича (Мариуполь), на Харьковском заводе ДЭЗ, ХПЗМ «Серп и молот», «Свет шахтера» ситуация была аналогичная, несмотря на то что большинство работников были украинцами [17, с. 127].

Большинство распоряжений, указов и отчетов велась на русском языке, а пояснялось это таким образом: «Мы – заводы всесоюзного значения, дело имеем в основном с Москвой, поэтому украинизация для нас не обязательна» [17, с. 128].

На машиностроительном заводе в Краматорске секретарь цех-среды главной конторы т. Локотош прямо заявлял: «Если украинизировать главную контору на 100 %, значит снизить производительность труда на 20 %» [17, с. 128].

Работник Киевского паротягремонтного завода Панасевич отмечал: «... ведь у нас на заводе есть много инженеров, хотя ни от одного не слышно какого-нибудь украинского слова. Никогда. И вот когда рядовой работник, что приходит из села, обращается к инженеру на украинском языке, а тот отвечает на русском, выходит что-то неприемлемое. Ведь эти инженеры проходили курсы украинизации, сдавали экзамены, получали и первую и вторую категории, в тот же момент никогда не используют украинский» [17, с. 128].

Чаще всего отказ от политики украинизации наблюдался в регионах Юго-Востока Украины, в частности на Донбассе. Еще Постановление СНК УССР от 29 августа 1924 г. «О выделении национальных районов и советов» определяло Донбасс

как регион с многонациональным составом населения. Это давало возможность решить проблему украинизации путем разделения Луганского округа на украинские и русские районы [18, с. 94–95].

Всего из девяти районов УССР, которые определялись районами с преобладающим русским населением и не подлежали обязательной украинизации, три находились в Луганском округе. 8 июня 1927 г. на заседании окружной административно-территориальной комиссии было принято постановление, что следует считать национально русскими также Алчевский район и г. Луганск, в связи с большой долей русского населения (46,8 % и 43,99 % соответственно). По итогам 1927 г. Сорокинская, Петровская, Станично-Луганская районные комиссии по украинизации были ликвидированы [19, с. 173; 18].

Согласно переписи 1926 г., украинцы составляли чуть больше половины населения Луганского округа – 51,65 %, а русские – 42,74 %. В самом Луганске их было практически поровну: 43,37 % и 43,56 %. Причем в программе переписи национальность и родной язык были отдельными вопросами. Поэтому по языку национальная пропорция была иная: 57,44 % – русские и 38,02 % – украиноязычные [20, с. 15].

В Луганском округе планировалось открытие 16 украинских школ, 28 – в Старобельском, 21 – в Юзовском и 11 – в Мариупольском. Чтобы укомплектовать украиноязычные школы, в данный регион направлялись учителя с Правобережья или Полтавщины. Однако местное население воспринимало их негативно. Так эмоционально говорил ответственный секретарь Донецкого губкома КП(б)У Радченко на апрельском пленуме 1925 г.: «Вы знаете, что мы только в прошлом году получили из Полтавы и Волыни некоторое количество украинских учителей, которые политически не с нами, и являются явными петлюровцами... А знаете ли вы, что когда мы начали украинизироваться, то нашли единственного человека в губисполкоме, который знал украинский язык. Это был бывший регент, который сидел в концлагере, и это он учил украинскому языку наших сотрудников. Мы, конечно, не так ставим вопрос, как в Киеве, где выгоняли тех, кто не знает украинского языка» [21, с. 85–88].

Несмотря на протесты в некоторых кругах, украинизация продолжалась. В русскоязычном Донбассе в 1923 г. издавалось семь журналов, из которых пять выходили на русском языке, и девять газет, из которых восемь издавались на русском языке, а одна – на двух языках одновременно. В 1934 г. в Донецкой области из 36 местных газет 23 были полностью украиноязычными, восемь были на 2/3 украиноязычными, три издавались на греко-эллиническом языке. Русских газет осталось всего лишь две. В 1932 г. в Мариуполе, одном из самых интернациональных городов Донбасса, не осталось ни одного русского класса в школах. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6 %) были украинскими, а еще 207 (9,3 %) – украинско-русскими [18, с. 102].

Многие газеты печатали заголовки на украинском языке, а содержание статей – по-русски. При этом отчитывались о том, что они являются частично украинизированными. Некоторые проверяющие закрывали на это глаза, а некоторые наказывали редакторов.

Отчеты проверяющих констатировали ситуацию в Сталинской области: «Издающаяся на украинском языке газета “Коммунист” – орган ЦК КП(б)У распределяется по разверстке, и ее не читают» [19, с. 173].

Пик украинизации образования Донбасса пришелся на 1932–1933 гг. В этом учебном году в русскоязычной Макеевке не осталось ни одного русскоязычного класса в начальной школе, что вызвало бурные протесты родителей. В октябре 1934 г. IV пленум Донецкого обкома КП(б)У требовал: «строго соблюдать украинизацию советских органов, решительно борясь со всякими попытками врагов ослабить украинизацию». А ранее, в апреле 1934 г., тот же обком принял волевое решение «О языке городских и районных газет Донбасса», согласно которому полностью переводились на украинский язык 23 из 36 местных газет, еще восемь должны были печатать как минимум две трети информации по-украински и лишь две газеты области решено было оставить на русском языке [22].

С 1933 г. началась борьба с «перегибами» в украинизации. При этом вплоть до 1941 г. партийные органы периодически отчитывались о состоянии украинизации прессы. К 1938 г.

из 63 газет Сталинской области 28 (44,3 %) выходили на украинском языке, 17 (26,9 %) были двуязычными» [23].

Действительно, с послаблением начала 1930-х гг. доля русского языка в общественной жизни начала потихоньку расти. В 1933 г. вернулась на русский язык «Луганская правда». В 1935 г. при обследовании Сталинского горсовета выяснилось, что если ранее работа велась на украинском, то «начиная с 1933 г. в связи с общим ослаблением украинизации в парторганизации вся работа в 1934–35 гг. проводится на русском языке». Зампредседателя горсовета отметил, что весь технический аппарат украинского языка не знает.

Однако официального решения о прекращении политики украинизации так никогда и не было принято. Доля украинских коммунистов в Донбассе продолжала расти, достигнув к 1941 г. 55,6 %, а доля русских снизилась до 35,6 % (накануне украинизации в 1922 г. в партийных организациях Донбасса было 69 % русских и 16,6 % украинцев) [18].

Серьезное обсуждение адаптированной к местным условиям коренизации и ее последствий началось с публикации заведующего орготделом Сталинского райпарткома Г. Афонина «Украинизацию нужно проводить в меру». В статье отражено конфликтное восприятие политики правительства. Автор выступил против украинизации делопроизводства городского совета, милиции и других учреждений (аргументировал тем, что население города и промышленных окраин на 80 % русское); постановления об обязательной публикации объявлений и афиш на двух языках, так как это ведет к лишним тратам; общей украинизации школ округа; украинских субтитров к кинолентам, так как подавляющее большинство зрителей в промышленных районах русские.

В заключение Г. Афонин подчеркнул, что украинизацию следует проводить в меру, учитывая национальный состав отдельных населенных пунктов (особенно крупных), «чтобы наша национальная политика не шла вразрез с интересами большинства жителей», превращаясь в сверхукраинизацию, что можно расценивать как уклон [24, с. 109].

Публикация вызвала широкий резонанс, первым ее критиком стал секретарь Сталинского окружного комитета КП(б)У К. Моисеенко. В статье «Об “украинизации” и “украинизато-

рах” в меру» он опроверг все замечания предыдущего автора, назвав их примером непонимания линии партии. Так, на выпад по поводу кинокартин читатели получили такой ответ: «Субтитры на украинском – это мощный рычаг, с помощью которого прививаются знания языка широким массам вообще и рабочим в частности». Партийный функционер уверенно отстаивал необходимость украинизации региона [24, с. 109].

Признавая сложность задачи и наличие уже допущенных ошибок, К. Моисеенко категорически отрицал обособленность интересов населения промышленных районов, протестовал против предложений Г. Афонина, так как считал, что они «не сдвинут с места реформу» [24, с. 110].

Общественное мнение по поводу целесообразности украинизации Донбасса было неоднородным, настроения различных социальных групп – противоречивыми. Приверженцы противоположных концепций национально-культурного развития региона позволяли себе радикальные высказывания, отказываясь слышать друг друга, искать компромисс. В результате появлялись жалобы и тайные письма, адресованные редакциям газет или органам власти, которые, как правило, не были опубликованы и сохранились в архивах. Анализ этих документов позволяет утверждать, что жесткие официальные требования в сжатые сроки украинизировать учреждения Донбасса, как и фанатичное отрицание всей кампании, не приводили к значимым результатам.

С другой стороны, сторонники и противники политики в равной степени участвовали в дебатах, опираясь на постановления правительства и линию партии. Более того, в качестве трибуны для ознакомления наибольшего количества граждан с определенной позицией активно использовали страницы местной прессы («Диктатура труда», «Просвещение Донбасса» и др.) [24, с. 112].

Ораторы, занимавшие диаметрально противоположные позиции, завершали свои выступления приблизительно одинаково: «необходимо решительно пресекать как российский, так и украинский шовинизм» [24, с. 114].

Выводы

Изучение материалов переписи населения 1897 г. в Рос-

сийской империи показало, что на территории современной Украины преобладали лица украинской национальности, большинство из которых было представлено крестьянским населением. Среди горожан в основном преобладал русский язык и русская культура.

После образования СССР и начала политики украинизации число украинцев стало стремительно расти как среди членов партии, различных ее общественных организаций, государственного аппарата на республиканском и региональном уровнях, так и среди студенчества, учителей и др. Школа, театры, издательство и пресса также в подавляющем случае были украинизированы.

Однако несмотря на высокие темпы украинизации и значительные успехи в области проведения данной политики имелись определенные сложности в ходе ее реализации. Так, встречалось негативное отношение к украинизации в различных кругах на местах; многие предприятия были союзными, вследствие чего преимущественно работали в рамках всего СССР; значительная часть профессуры вузов была русскоязычной; ощущалась острая нехватка книг и материалов на украинском языке; местные власти не обладали полноценными ресурсами для проведения политики украинизации, а часто и не хотели этим заниматься; территория некоторых регионов УССР была многонациональной; украинское население вливалось в различные сферы общества, вузы, предприятия и организации пропорционально, что скорее приводило к переходу на культуру большинства окружения в тот момент времени, т. е. ассимиляции.

Все это в дальнейшем предопределило на практике фактически различный уровень украинизации в тех или иных регионах, во многом даже к ее провалу в различных округах УССР, что впоследствии привело к преобладанию русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины.

Список литературы

1. Диманштейн С. М. Идеологическая борьба в национальном вопросе // Революция и Национальности. – 1930. – №. 3. – С. 5–22. [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000262891?page=22&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.07.2022).

2. Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–33.
3. Хвиля А. Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва // Більшовик України. – 1930. – № 13–14. – С. 38–56.
4. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
5. Васильев И. Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. – 2016. – № 2(6). – С. 185–194. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26396242&> (дата обращения: 20.07.2022).
6. Дроздов К. С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг // Славянский альманах. – 2017. – № 3-4. С. 294–314 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-yazyk-i-osobennosti-ego-prepodavaniya-v-shkolah-rsfsr-v-period-provedeniya-politiki-ukrainizatsii-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 23.07.2022).
7. Коротун С. Н. Украинизация Воронежского края в 1923–1932 годах // Вестник Пермского университета. Сер.: История. – 2017. – № 4(39). – С. 101–108. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30720880> (дата обращения: 23.07.2022).
8. Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 05.07.2022).
9. Мінаєв С. В. До основних підсумків поголового перепису населення України // Більшовик України. – 1928. – №15–16. – С. 51–83.
10. 12-й съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1968. 904 с.
11. Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–33.
12. Полоцький О. Загальне навчання та ліквідація неписьменності // Більшовик України. – 1928. – № 18. – С. 59–76.
13. Голуб Ф. ЛКСМ в національно-культурному будівництві // Більшовик України. – 1929. – № 7–8. – С. 49–61.
14. Волков В. Стан вузів України // Більшовик України. – 1929. – № 17–18. – С. 80–98.
15. Кроткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. – Харків, 1928. 210 с.
16. Карпенко С. Початкову і середню школу – на вищий щабель // Більшовик України. – 1932. – № 16. – С. 29–33.
17. Потапчик М. Робітницька класа України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. – 1932. – № 5-6. – С. 123–134.
18. Федоровский Ю.Р. Первая советская украинизация Луганщины // Культурный ландшафт регионов. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-sovetskaya-ukrainizatsiya-luganshiny> (дата обращения: 05.07.2022).
19. Бельдюгин В. А. История Отечества: курс лекций // С. В. Пробейголова, Ю. Р. Федоровский. Луганск: ЛНУ имени В. Даля. 2017. 288 с.
20. Кравченко В. Немецкие колонии на Луганщине // Жизнь Луганска. – 1999. – № 6 (423). – С. 9.
21. Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки [за ред. В.А. Смолія]. К.: Інститут історії України НАНУ, 2003. 392 с.
22. Корниенко М. Украинский националист Иосиф Сталин. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.komitet.net.ua/article/print/63461/> (дата обращения: 04.07.2022).
23. Советская украинизация Донбасса. [Электронный ресурс]. – URL: <https://donbassrus.livejournal.com/1115521.html> (дата обращения: 05.07.2022).
24. Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: Общественное мнение // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 105–114.

The policy of Ukrainization in the 1920s–1930s on the example of the South-East of Ukraine

Nikita A. Osipov

The policy of Ukrainization in the 1920s–1930s on the territory of the Ukrainian SSR entailed the most important ethno-cultural changes that influenced the creation of an independent Ukrainian state in the future. However, this policy has not always been accompanied by success and the same reaction in different regions of Ukraine, but the reasons for this are poorly understood and require professional scientific research. In this regard, the purpose of this article is to study the policy of Ukrainization in the interwar period in Ukraine, to build a comparative analysis of the results of Ukrainization in the South-East of Ukraine. In the course of the research work, statistical data of the materials of the population census of the Russian Empire in 1897 and the population census of the USSR in 1926, as well as the periodical press of the Ukrainian SSR in the period from 1925 to 1933 were analysed. Based on the data obtained, it is concluded that, despite the high rates of Ukrainization and significant successes in the implementation of this policy, a negative attitude towards such ethno-cultural transformations has developed in various regions. This further predetermined the results of such a national policy, including negative ones in some regions of the Ukrainian SSR, which subsequently led to the predominance of the Russian-speaking population on the territory of the South-East of Ukraine.

Key words: Ukrainization, Ukrainian SSR, Bolsheviks, district, urban population, rural population, Stalinsky district, Artemovsky district.

For citation: Osipov, N. A. (2022). Politika ukrainizacii v 1920–1930-e gg. na primere YUgo-Vostoka Ukrainy [The policy of Ukrainization in the 1920s – 1930s on the example of the South-East of Ukraine]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 118–137. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_118

References

1. Dimanshtejn S. M. *Ideologicheskaja bor'ba v nacional'nom voprose* [Ideological struggle in the national question] // *Revoljucija i Nacional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1930. №. 3. Pp. 5–22. – Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000262891?page=22&rotate=0&theme=white (accessed 20 June 2022). (In Russ.)
2. Zaton'skij V. P. *Materiali do ukrains'kogo nacional'nogo pitannja* [Materials for Ukrainian National Nutrition] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1927. № 6. Pp. 9–33. (In Ukr.)
3. Hvilja A. *Proletariat i praktichne rozgortannja nacional'no-kul'turnogo budivnictva* [Proletariat and practical deployment of national and cultural construction] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1930. №13-14. Pp. 38–56. (In Ukr.)
4. Borisjonok E. Ju. *Fenomen sovetskoj ukrainizacii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s]. Moscow: Europe, 2006. (In Russ.)
5. Vasil'ev I. Ju. *Ukrainizacija i korenizacija: razlichie i shodstvo programm* [Ukrainization and Korenization: difference and similarity of programs] // *Istoricheskij format* [Historical format]. 2016. № 2(6). Pp. 185–194. – Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26396242> & (accessed 20 June 2022). (In Russ.)
6. Drozdov K. S. *Ukrainskij jazyk i osobennosti ego prepodavanija v shkolah RSFSR v period provedenija politiki ukrainizacii v 1920–1930-e gg.* [The Ukrainian language and the peculiarities of its teaching in schools of the RSFSR during the policy of Ukrainization in the 1920s–1930s] // *Slavjanskij al'manah* [Slavic Almanac]. 2017. № 3–4.

Pp. 294–314. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskij-yazyk-i-osobnosti-ego-prepodavaniya-v-shkolah-rsfrs-v-period-provedeniya-politiki-ukrainizatsii-v-1920-1930-e-gg> (accessed 23 June 2022). (In Russ.)

7. Korotun S. N. *Ukrainizacija Voronezhskogo kraja v 1923–1932 godah* [Ukrainization of the Voronezh Region in 1923–1932] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istorija* [Bulletin of the Perm University. Ser.: History]. 2017. № 4(39). Pp. 101–108. – Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30720880> (accessed 23 June 2022) (In Russ.)

8. *Professii i zanjatiya naselenija Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX veka* [Professions and occupations of the population of the Russian Empire of the late XIX – early XX century]. – Available at: <http://stat1897.histcen-sus.asu.ru/data/> (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

9. Minaev S. V. *Do osnovnih pidsumkiv pogolovnogo perepisu naselennja Ukraini* [To the main results of the general census of the population of Ukraine] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1928. № 15–16. Pp. 51–83. (In Ukr.)

10. *12-j s'ezd RKP(b) (17–22 aprelja 1923 goda): Stenograficheskij otchet* [The 12th Congress of the RCP(b) (April 17–22, 1923): Verbatim report]. Moscow: Gospolitizdat, 1968. (In Russ.)

11. Zaton'skij V. P. *Materiali do ukrains'kogo nacional'nogo pitannya* [Materials for Ukrainian National Nutrition] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1927. № 6. Pp. 9–33. (In Ukr.)

12. Poloc'kij O. *Zagal'ne navchannya ta likvidacija nepis'mennosti* [General Training and elimination of illiteracy] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1928. № 18. Pp. 59–76. (In Ukr.)

13. Golub F. *LKSM v nacional'no-kul'turnomu budivnictvi* [LKSM in the national-cultural construction] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1929. № 7–8. Pp. 49–61. (In Ukr.)

14. Volkov V. *Stan vuziv Ukraini* [State of higher education institutions of Ukraine] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1929. № 17–18. Pp. 80–98. (In Ukr.)

15. *Krotki pidsumki perepisu naselennja Ukraini 17 grudnja 1926* [Brief Results of the population census of Ukraine on December 17, 1926]. Kharkiv, 1928. (In Ukr.)

16. Karpenko S. *Pochatkovu i serednju shkolu – na vishnij shhabel'* [Primary and Secondary School] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1932. № 16. Pp. 29–33. (In Ukr.)

17. Potapchik M. *Robitnic'ka kljasa Ukraini v nacional'no-kul'turnomu budivnictvi* [Working class of Ukraine in national and cultural construction] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1932. № 5–6. Pp. 123–134. (In Ukr.)

18. Fedorovskij Ju. R. *Pervaja sovsetskaja ukrainizacija Luganshhiny* [The first Soviet Ukrainization of the Luhansk region] // *Kul'turnyj landshaft regionov* [Cultural landscape of the regions]. 2020. № 1. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-sovsetskaya-ukrainizatsiya-luganshiny> (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

19. Bel'djugin V. A. *Istorija Otechestva: kurs lekcij* [History of the Fatherland: course of lectures] / S.V. Probezolova Ju.R. Fedorovskij. Lugansk: LNU named after V. Dahl, 2017. (In Russ.)

20. Kravchenko V. *Nemeckie kolonii na Luganshshine* [German colonies in Luhansk region] // *Zhizn' Luganska* [Life of Lugansk]. 1999. № 6 (423). P. 9. (In Russ.)

21. «Ukrainizacija» 1920–30-h rokov: *peredumovi, zdobutki, uroki* [za red. V. A. Smolija] [Ukrainization" of the 1920s and 30s: prerequisites, achievements, lessons [edited by V. A. Smolij]]. Moscow: Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2003. (In Ukr.)

22. Kornienko M. *Ukrainskij nacionalist Iosif Stalin* [Ukrainian nationalist Joseph Stalin]. – Available at: <http://www.komitet.net.ua/article/print/63461/> (accessed 04 June 2022). (In Russ.)

23. *Sovetskaja ukrainizacija Donbassa* [Soviet Ukrainization of Donbass]. – Available at: <https://donbassrus.livejournal.com/1115521.html> (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

24. Dmitrik I. A. *Ukrainizacija Donbassa v 1923–1938 gg.: Obshhestvennoe mnenie* [Ukrainization of Donbass in 1923–1938: Public opinion] // *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920s – 1950s: proceedings of the VI International Scientific Conference. Kiev, October 10–12, 2013]. Moscow: ROSSPEN, 2014. Pp. 105–114. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
Одобрена после рецензирования 23.09.2022;
Принята к публикации 17.10.2022.*